

Свадьба — эпизод 2 из 2

Сыновей, слава богу, поженил, теперь вот дочку выдаю, и остаемся мы со старухой сироты... Нету у нас теперь деток. Начистоту разделались.

Кто знает? Может, Ефим Петрович, вам бог еще пошлет, ваше высокоблагородие...

Ефим Петрович с удивлением глядит на Осипова и смеется в кулак.

Еще? спрашивает он. Как ты сказал? Детей еще бог пошлет? Мне-то?

Он давится от смеха, и слезы у него выступают на глазах; музыканты из вежливости тоже смеются. Ефим Петрович ищет глазами старуху, чтобы сообщить ей, что сказал Осипов, но она сама уже летит прямо на него, стремительно, сердитая, с заплаканными глазами.

Бога ты не боишься, Ефим Петрович! говорит она, всплескивая руками. Мы ищем, ищем ром, с ног сбились, а ты тут стоишь! Где ром? Николай Мироныч не может без рома, а тебе горюшка мало! Поди, узнай у Игната, куда он ром поставил!

Ефим Петрович идет в подвальный этаж, где помещается кухня. По грязной лестнице снуют бабы и лакеи. Молодой солдат, накинув мундир на одно плечо, уперся коленом о ступень и вертит мороженицу; пот течет с его красного лица. В темной и тесной кухне, в облаках дыма, работают повара, взятые напрокат из клуба. Один потрошит каплуна, другой делает из морковки звездочки, третий, красный как кумач, сует в печь противень. Ножи стучат, посуда звенит, масло шипит. Попад в этот ад, Ефим Петрович забывает, о чем говорила ему старуха.

А вам здесь, братцы, не тесно? спрашивает он.

Ничего-с, Ефим Петрович. В тесноте да не в обиде, будьте покойны-с...

Уж вы постарайтесь, ребята.

В темном углу вырастает фигура Игната, буфетчика из клуба.

Будьте покойны-с, Ефим Петрович! говорит он. Всё предоставим в лучшем виде. С чем прикажете делать мороженое: с ромом, с го-сотерном или без ничего?

Вернувшись в комнаты, Ефим Петрович долго слоняется по комнатам, потом останавливается в дверях проходной и опять заводит разговор с Осиповым. Так-то, брат... говорит он. Сиротами остаемся. Покуда новый дом не высохнет, молодые с нами поживут, а там прощайте! Только мы их и видели...

Оба вздыхают... Музыканты из вежливости тоже вздыхают, отчего воздух становится еще гуще.

Да, брат, вяло продолжает Ефим Петрович, была одна дочка, да и ту отдаем.

Человек он образованный, говорит по-французски... Только вот попивает, но кто нынче не пьет? Все пьют.

Это ничего, что пьет, говорит Осипов. Главное достоинство, Ефим Петрович, чтобы дело свое помнил. А ежели, положим, выпить, то почему не выпить?

Выпить можно.

Конечно, можно.

Слышится всхлипывание.

Разве он может чувствовать? жалуется Дарья Даниловна какой-то старухе.

Ведь мы ему, мать моя, отсчитали десять тысяч копеечка в копеечку, дом на Любочку записали, десятин триста земли... легко ли сказать! А нешто он может чувствовать? Не таковские они нынче, чтобы чувствовать!

Стол с фруктами уже готов. Бокалы тесно стоят на двух подносах, бутылки с шампанским завернуты в салфетки, в столовой шипят самовары. Лакей без усов, с бакенами записывает на бумажке имена лиц, здоровье которых он будет провозглашать за ужином, и читает их, точно учит наизусть. Из комнат выгоняют чужую собаку. Напряженное ожидание... Но вот раздаются тревожные голоса:

Едут! Едут! Батюшка Ефим Петрович, едут!

Старуха, обомлевшая, с выражением крайней растерянности, хватает хлеб-соль, Ефим Петрович надувает щеки, и оба вместе спешат в переднюю.

Музыканты сдержанно, торопливо настраивают инструменты, с улицы доносится шум экипажей. Опять вошла со двора собака, ее гонят, она взвизгивает... Еще одна минута ожидания и в проходной, резко, остервенело рванув, раздается оглушительный, дикий, неистовый марш. Воздух оглашается восклицаниями, поцелуями, хлопают пробки, у лакеев лица строгие...

Любочка и ее супруг, солидный господин в золотых очках, ошеломлены.

Оглушительная музыка, яркий свет, всеобщее внимание, масса незнакомых лиц угнетают их... Они тупо глядят по сторонам, ничего не видят, ничего не понимают.

Пьют шампанское и чай, всё идет чинно и степенно. Многочисленные родственники, какие-то необыкновенные дедушки и бабушки, которых раньше никто никогда не видел, духовенство, отставные военные с плоскими затылками, посажёные отец и мать жениха, крестные, стоят около стола и, осторожно прихлебывая чай, беседуют о Болгарии; барышни, как мухи, жмутся у стен; даже шафера утратили свой беспокойный вид и стоят смирно у дверей.

Но проходит час-другой и весь дом дрожит уже от музыки и танцев. У шаферов опять такой вид, точно они с цепи сорвались. В столовой, где покоем накрыт закусочный стол, толпятся старики и нетанцующая молодежь; Ефим

Петрович, выпивший уже рюмок пять, подмигивает, щелкает пальцами и давится от смеха. Ему пришло на мысль, что хорошо бы женить шаферов, и это ему нравится, кажется остроумным, забавным, и он рад, так рад, что не может выразить на словах, а только хохочет... Его жена, не евшая ничего с утра и опьяневшая от шампанского, блаженно улыбается и говорит всем:

Нельзя, нельзя, господа, в спальню ходить! Это не деликатно в спальню ходить. Не заглядывайте!

Это значит: пожалуйста поглядеть спальню! Всё ее материнское тщеславие и все таланты ушли в эту спальню. И есть чем похвастать! Посреди спальни стоят две кровати с высокими постелями; наволочки кружевные, одеяла шелковые, стеганные, с мудреными, непонятными вензелями. На постели Любочки лежит чепчик с розовыми лентами, а на постели ее мужа шлафрок мышинного цвета с голубыми кистями. Каждый из гостей, взглянув на постели, считает своим долгом значительно подмигнуть глазом и сказать м-да-а, а старуха сияет и говорит шёпотом:

Спальня-то рублей триста стоила, батюшка. Шутка ли! Ну, уходите, мужчинам не годится сюда ходить.

В третьем часу подают ужин. Лакей с бакенами провозглашает тосты, а музыка играет туш. Ефим Петрович напивается окончательно и уже никого не узнает; ему кажется, что он не у себя дома, а в гостях, что его обидели; он в передней надевает пальто и шапку и, отыскивая свои калоши, кричит хриплым голосом:

Не желаю я тут больше оставаться! Вы все подлецы! Негодяи! Я вас выведу на чистую воду!

А возле стоит жена и говорит ему:

Уймись, безбожная твоя душа! Уймись, истукан, ирод, наказание мое!